

УДК 629.73.02(09)

**К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ИНФОРМАЦИИ
О НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

© 2011 г.

Ф.Б. Дроздов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

fedo_rus@mail.ru

Поступила в редакцию 05.04.2011

Анализируются общественные настроения среди советской молодежи в первые дни Великой Отечественной войны, ее реакция на объявление войны, а также на выступление Сталина 3 июля 1941 г. Выявляются причины и последствия оптимистического восприятия начала боевых действий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 22 июня 1941 г., общественные настроения.

22 июня 1941 года, безусловно, является одной из наиболее трагических дат отечественной истории. В исторической памяти она воспринимается как событие, носящее исключительно негативный характер, и, как бы подразумевается, что восприятие известия о начале войны тогда, в июне 1941-го, было аналогичным. Однако обращение к различным источникам личного характера неожиданно демонстрирует совершенно противоположную картину: значительная часть населения СССР, в первую очередь молодежь, восприняла речь Молотова если не с эйфорией, то, в любом случае, не как нечто трагическое.

Довольно характерной была реакция на начало войны, связанная с непоколебимой уверенностью в скорейшем разгроме противника: «Рано утром... братишка Толя сообщает, что Германия напала на нашу страну. Верить или не верить? ...Мы безоговорочно верили в могущество нашей армии и были уверены, что гитлеровские войска сразу же сломают зубы о наши трехгранные штыки» [1, с. 93]; «Буквально полтора года назад была война с Финляндией. Два и три года назад велись боевые действия с Японией у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Нам тогда было уже по 12 лет, и мы прекрасно помнили, взрослые из этого никакой трагедии не делали» [2, л. 3]; «Честно говоря, я не очень был расстроен... Уж если на то пошло, даже оживился и несколько обрадовался: вот теперь-то мы построим коммунизм во всем мире» [3]; «Мы с Верой не осознавали серьезности происходящего, надеялись, что “могучая и непобедимая” Красная Армия в два-три дня разделается с наглым агрессором» [4, с. 40]; «Думали-то как? Два-три месяца, и война закончится!» [5, с. 98].

Из СМИ и пропагандистских источников молодежь зачастую представляла себе и войну и

противника в довольно карикатурном виде. Немцы виделись слабыми и трусливыми противниками, которые одерживают победы исключительно за счет своего численного превосходства. А определенное честолюбие, свойственное молодежи, рисовало боевые действия зачастую как череду подвигов молодого красноармейца, героически побивающего противника: «Пора проучить зарвавшихся фашистов, Гитлера с его камарильей. Хочется скорее в бой, показать, на что способен советский народ, пусть помнят фашисты, мало им не будет» [6, с. 48–49]; «...мы услышали выступление Молотова. Со мной рядом стоял товарищ, реакцию которого я прекрасно помню: “Опять будет, как на Хасане, как на Халхин-Голе – отвоюют, пока мы учимся. Война кончится, а нам так и не удастся на нее попасть”» [7, с. 10].

В некоторых случаях сам факт нападения Германии вызывал у жителей СССР удивление, связанное как с уверенностью в тотальном превосходстве СССР над Германией, так и с надеждой на то, что немецкий народ не поддержит агрессию. Так, главный механик Ленинградского металлургического завода Г. Кулагин в дневнике и воспоминаниях передал настроения работников промышленных предприятий в первые дни войны: «На кого полезли, совсем, что ли, с ума сошли?! Конечно, немецкие рабочие нас поддержат, да и все другие народы поднимутся. Иначе быть не может! “Я так думаю, – говорил один из рабочих, – что сейчас наши им так всыплют, что через неделю все будет кончено...” – “Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, – отвечал другой, – надо до Берлина дойти. Недели три-четыре понадобится”» [8, с. 156].

Определенная часть советской молодежи даже испытывала некий психологический подъем, выразившийся не только в желании пока-

рать зарвавшегося агрессора, но и успеть отличиться, стать героем в войне, которая только началась и которая вот-вот закончится нашей решительной победой [9]. «Зря расстраиваешься, Катя, месяца через два-три кончится война, вернусь» (капитан П.Н. Беспалов – жене, при прощании на вокзале) [10, с. 64]; «Когда в час дня Молотов сообщил по радио о начале войны, сначала никто не поверил. А потом все рванулись на фронт. И я очень на фронт захотел. Хотелось показать себя, казалось, что вот-вот – и война закончится без нас. Красная Армия вот-вот разобьет немцев, и мир вернется обратно» [11, с. 16]; «Разговор поначалу шел, что надо идти воевать, а то война без нас кончится» [5, с. 258]; «И вот во время занятий прибегает посыльный: “Тревога! Война!”... В полной выкладке пришли на аэродром, все потные, мокрые, но бодрые. Каждый думал: “Да мы их сейчас расшибем за месяц!”» [12, с. 52]; «У кадровых бойцов настроение перед отправкой было очень воинственное, буквально рвались в бой. Помню, в казарму приходили прощаться жены, дети тех, кто был взят из запаса. Одна мамаша плачет, а я ей говорю: “Да что вы ревете, мы через три недели на Ла-Манше будем!”» (ветеринарный врач 624-го сп 137-й сд Н.А. Набель) [13, с. 134].

Довольно интересную оценку общественным настроениям первых дней войны *post factum* дал писатель В.В. Полторацкий, военный корреспондент «Известий»: «...“Идем на запад”. Я писал эту фразу в полной уверенности, что все будет именно так. Всегда находится немало охотников задним числом причислить себя к лику провидцев. Вот, дескать, я еще тогда все предвидел, говорил, но меня не послушали, и получилось не так, как надо. Мне казалось, что война еще далеко и что, по крайней мере, в то лето она еще не начнется. А уж если начнется, то мы встретим ее на границе и пойдем вперед, громя врага на ее территории» [14, с. 156].

Имел место даже своего рода психологический комплекс, вызванный отказом в призыве в действующую армию: «Мое место на фронте. Все мои друзья защищают Родину, а я? Кончится война, мы победим, они все, мои сверстники, вернутся домой и скажут: а чем ты помог фронту?» [15, л. 10]. Как вспоминал боец московского ополчения 1941 года А.Е. Гордон, многие молодые люди записывались в РККА добровольцами, будучи свято уверенными в том, что 7 Ноября они будут отмечать уже в поверженном Берлине [16, с. 158]. Молодые люди писали, что испытывали в связи со своим пребыванием в тылу настоящее чувство стыда. Ф.П. Ронов и И.Н. Арефьев в совместном заявлении,

поданном 29 июня 1941 года, писали: «Почему нас не взяли в армию, или нам не доверяют оружие?.. Очень нам обидно, что мы не попали участвовать в боях на защиту социалистической Родины, и просим весьма серьезно направить нас на фронт» [17, с. 238]. И.И. Коровин, стремясь попасть на фронт, писал: «Очень мне обидно, что все мои товарищи на фронте, а я все еще дома» [17, с. 238].

Подобный психологический подъем во многом и породил те знаменитые толпы добровольцев в военкоматах и колоссальное количество заявлений с просьбой отправить в действующую армию. Подобная тенденция существовала в первые дни войны даже вблизи от линии фронта: «...по автостраде Москва – Минск текла человеческая река... Люди уходили на восток... Шли молодые парни. Они искали призывные пункты, требовали оружие, добивались зачисления в строй. Они не хотели быть дезертирами» [18, с. 41]. Первоначально военкоматы даже были вынуждены отказывать многим из пришедших; это потом, когда значительное количество бойцов уже погибнет или попадет в плен, отказываться от услуг добровольцев уже никто не станет. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что первые приказы, касающиеся военнообязанных, уклоняющихся от службы в армии путем приписывания себе «липовой» брони, отсрочки или «белого» билета, появились только в марте – апреле 1942 года (также только в 1942 году появляются документы, описывающие случаи дачи взяток работникам военкоматов за возможность уклониться от службы в армии) [19, с. 175, 207; 20, л. 7, 13, 24, 53, 61]; надо полагать, что до этого момента, во-первых, не возникало необходимости перетрясать всех располагающих возможностью отсрочки – хватало и добровольцев, а во-вторых, видимо, количество отказников было весьма незначительным по сравнению с общим числом призывников. Корни подобного явления во многом лежат именно в области психологического подъема, царившего в массовом сознании в первые дни войны.

Порой подобного оптимизма не могла разрушить даже информация о том, что Красная армия отступает, а враг продвигается вперед, захватывая все новые территории и населенные пункты; череда неудач виделась непродолжительной, обусловленной внезапностью нападения, – еще чуть-чуть – и противнику будет нанесен решительный удар, а события будут развиваться по оптимистическому довоенному сценарию: «...в первый день войны мы с нетерпением ждали с границы сообщений, что враг не прошел, а там, где прорвался, разгромлен и

отброшен назад. Это настроение не проходило еще несколько дней...» [21, с. 301–302]; «Мне думалось, что мы просто не успели подтянуть войска к границе. Верил, что сейчас они на подходе, сейчас они развертываются. День-два – и попятится немец к границе. Такой же мысли придерживались почти все мои попутчики. Только и было разговору: ударим, скоро ударим...» [22, с. 8]; «Мы удивлялись тому, что немцы наступают, вроде ведь Красная Армия должна была бить врага на чужой территории малой кровью. Думали, что до старой границы их допустят, а потом турнут обратно» [12, с. 459–460].

Причины подобного оптимистического восприятия происходящего видятся в следующих факторах.

1. Советская идеология довоенного периода прекрасно отражается в лозунге «Будем бить врага малой кровью на чужой территории». Альтернатив данному варианту развития событий официальная идеология просто не предусматривала. Потому данная установка весьма прочно осела в умах тогдашней молодежи. Более того – предшествовавшие Великой Отечественной войне события (боевые действия у оз. Хасан, на р. Халхин-Гол, советско-финская война, освободительный поход 1939 года) на официальном уровне подтверждали ее – везде были одержаны победы, практически везде война велась не на территории СССР. О реальных потерях и трудностях этих конфликтов основная масса советского населения, разумеется, информирована не была. Продолжала работать формула: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью» [13, с. 441]. Значительным пропагандистским воздействием на сознание людей, особенно молодежи, обладало искусство того времени. Бравурные песни и бодрые киноленты о непобедимости Красной армии притупляли готовность к длительной и тяжелой борьбе, вызывали самоуспокоенность и восприятие возможной войны как парадного шествия. Об этом, оглядываясь назад из июля 1942 г., написал в своем фронтовом дневнике М.Т. Белявский: «Вот посмотрел сейчас фильм “Моряки” и еще больше окрепло убеждение в том, что наше кино с его “Моряками”, “Истребителями”, “Четвертым перископом”, “Если завтра война”, фильмами о маневрах и литература с романами

“На Востоке” и “Первым ударом”... во многом виноваты перед страной, так как вместо мобилизации демобилизовывали своим “шапкозакидательством”... Большой долг и большая ошибка» [24, с. 79]. «В тот день [22 июня] многим казалось, что начавшаяся война будет стремительной, победоносной. Такой, какой она изображалась в популярных в те годы кинофильмах “Город под ударом”, “Эскадрилья номер пять”, в романе Павленко “На Востоке”, в песнях, которые... пели чуть не каждый день, – вспоминал бывший офицер-артиллерист А. Дмитриев. – Никто... и представить себе не мог, какой долгой, жестокой, опустошительной, испепеляющей будет эта война, какого огромного напряжения она потребует, каких колоссальных жертв» [24, с. 79].

2. Информация, поступающая к людям в тылу в первые дни войны, была крайне скудна. Тем более что с началом боевых действий была ужесточена военная и политическая цензура, в том числе периодических изданий и всей печатной продукции, вводилась перлюстрация писем с фронта и на фронт, радиоприемники индивидуального пользования изымались, сократились тиражи газет, закрывались культурно-просветительские учреждения [25, с. 489]. Да и те скудные сведения, что все же доходили из тех же СМИ, не давали объективной информации. Они либо отставали от происходивших на фронте событий, либо давали приукрашенную информацию, либо просто не публиковали сведений об отступлениях и поражениях советских войск – не зная о них или намеренно умалчивая: «...при публикации из корреспонденций изымалось все, что хоть ненароком могло бы дать представление о том, где что происходило» [26, с. 408]. В конечном итоге война представлялась советскими СМИ в чрезвычайно приукрашенном виде.

3. Молодые люди в возрасте 17–25 лет не знали прежней войны «с германцем» и имели достаточно смутные представления о трудностях, с ней связанных, о реальной мощи Германии, о тяготах большой войны в принципе. Прибавим сюда юношеский максимализм, безграничную веру в собственные силы, даже в собственное бессмертие, свойственные любой молодежи, независимо от времени и места происходящих событий.

Впрочем, кто-то из молодежи все же осознавал несоответствие войны реальной и своих представлений о ней: «Думала ли я когда-нибудь, что доживу до войны? Пожалуй, думала. Но в голове почему-то всегда мчались лихие эскадроны, а я впереди – в шлеме и с саблей наголо, и от нас убегают в степь белые... Все было как в кино, – легко и красиво. А какая она,

война, не книжная?..» [1, с. 143]. Наиболее парадоксальными на общем фоне выглядят дневники московского школьника Левы Федотова [24, с. 79]. За 17 дней до начала войны мальчик предсказал ее неизбежность, определил сроки вторжения, ход и характер боевых действий на разных ее этапах. Он предвидел поражение немцев и нашу победу и цену этой победы, оказавшись во многом мудрее и дальновиднее тех, кто стоял у руководства страной.

Восприняли начавшуюся войну адекватно, с осознанием всех предстоящих лишений и потерь, в большей степени советские граждане преимущественно старших возрастов. Их реакция на агрессию была либо тревожной, так как предстоящие бедствия выглядели более чем серьезными, а победа – отдаленной и труднодостижимой; либо относительно спокойной, обусловленной верой в свои силы и желанием разгромить врага. Подобные настроения во многом были свойственны представителям старших возрастов, которые хранили память о всех трудностях и жертвах Первой мировой. Чрезвычайно показательными в данном случае выглядят слова академика П.Л. Капицы – представителя старшего поколения: «Мы знаем, что война эта будет тяжелая, потребует от всех нас больших жертв» [27, с. 162]. Объясняется это в первую очередь большим жизненным опытом старшего поколения, знавшего еще первую войну «с германцем», помнившего о ее проблемах и трудностях.

Так или иначе, оптимизм среди молодежи, связанный с уверенностью в скорейшем победоносном завершении войны, продолжался весьма недолго. Он начал снижаться, когда в сводках Информбюро стали все чаще появляться сообщения об оставленных противнику населенных пунктах и значительных территориях. Окончательно, на наш взгляд, этот оптимизм рассеялся после обращения И.В. Сталина к советскому народу 3 июля 1941 года. Оно явилось для многих военнослужащих РККА, как и для большинства мирных жителей СССР, поистине откровением. Информация, озвученная вождем о степени продвижения германских войск вглубь СССР, ошеломляла: «Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одесу, Севастополь. Над нашей родиной нависла серьезная опасность».

Нам представляется, что именно это заявление вождя привело к исчезновению необоснованного оптимизма в массовом сознании советских граждан, находившихся вдалеке от линии фронта и ждавших со дня на день сокрушительного удара Красной армии по зарвавшемуся агрессору и «войны малой кровью на чужой территории».

Слова Сталина о том, что «прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение», окончательно подвели черту под оптимизмом в общественном сознании, связанным с надеждами на войну «малой кровью на чужой территории». Вместо нее в сознание входила кровопролитная и продолжительная война Отечественная.

Этот перелом стал исходным моментом для всеобщей психологической мобилизации. С данного момента то, какой на самом деле будет начавшаяся война, перестало быть тайной. В письме домой майор П. Мельников писал: «По сути выступления Сталина можно видеть, что борьба должна быть длительной и жестокой, что нам придется приносить большие жертвы. Да, враг силен, жесток и коварен. Как ни тяжело читать сообщения об оставлении нашими войсками территорий и городов, все же я не потерял уверенности в нашей Победе» [6, с. 231]. На смену уверенности в молниеносном походе на Берлин приходили другие моральные стимулы – желание защитить Отечество, отомстить за вероломное нападение и за погибших друзей.

Список литературы

1. Пишу тебе с фронта / Сост. В.В. Смирнов. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд., 1990. 160 с.
2. Из воспоминаний Бочарова В.М. // ГОПАНО. Ф. 244. Оп. 2. Д. 1465.
3. Щуров А.Ф. Как молоды мы были: Пять рассказов участника великих сражений за Москву и Сталинград. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. С. 9.
4. Кобылянский И.Г. Прямой наводкой по врагу. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 320 с.
5. Драбкин А. Я дрался с панцерваффе. «Двойной оклад – тройная смерть!» М.: Яуза, Эксмо, 2007. 352 с.
6. Последние письма с фронта. М.: Воениздат, 1991. Т. 1. 414 с.
7. Гареев М. Нам нужна правда о войне // Эхо планеты. 2001. № 24–25. С. 10–12.

8. Кулагин Г. Дневник и память: О пережитом в годы блокады. Л.: 1978. С. 17 / Цит. по: Парамонов В.Н. Ментальность россиян в 1941–1945 гг.: восприятие немцев как противника // Доклады Академии военных наук. 2005. № 3 (15). С. 155–161.
9. См.: Николаев В. Война наступает на юность // Живая память. Великая Отечественная: правда о войне: В 3 томах / Под ред. В.Л. Богданова. М.: Совет ветеранов журналистики России, Союз журналистов РФ, 1995. Т. 1. С. 59–68.
10. Последние письма с фронта. М.: Воениздат, 1991. Т. 2. 542 с.
11. Из письма неизвестного солдата, погибшего в июле 1941 г. под Киевом // Моя цель – остановить орды с Востока // Огонек. 2002. № 25. С. 16–19.
12. Драбкин А. Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 512 с.
13. Киселев В. «Я ступал в их след горячий...» // Альманах «Буревестник». Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1990. Вып. 2. С. 133–160.
14. Полторацкий В.В. В действующей армии. М., 1973. С. 10 / Цит. по: Парамонов В.Н. Ментальность россиян в 1941–1945 гг.: восприятие немцев как противника // Доклады Академии военных наук. 2005. № 3 (15). С. 155–161.
15. Из воспоминаний медсестры Е.Я. Зайцевой // ГОПАНО. Ф. 244. Оп. 2. Д. 1447.
16. Гордон А.Е. Московское народное ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 158–162.
17. Боле Е.Н. Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны: мотивация вступления в действующую армию тылового населения страны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М.: РОССПЭН, 2006. С. 232–246.
18. Курочкин П. В огне Смоленского сражения // Живая память. Великая Отечественная: правда о войне: В 3 томах / Под ред. В.Л. Богданова. М.: Совет ветеранов журналистики России, Союз журналистов РФ, 1995. Т. 1. С. 40–59.
19. См.: Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г.: Сб. документов / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Терра, 1997. Т. 13/2 (2). 448 с.
20. ГОПАНО. Ф. 4384. Оп. 8. Д. 5.
21. Томан К.Б. Дни великих бедствий в сознании современников // Другая война 1939–1945. Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. С. 296–312.
22. Демин Н.С. Война и люди. М.: Воениздат, 1972. 272 с.
23. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. Т. 1. М., 1960. 600 с.
24. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 75–86.
25. Розанов П.А. Официальная идеология и потаенное сознание // Забвению не подлежит. Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы): В 3 книгах / Л.П. Гордеева, В.П. Киселев, А.А. Кулаков и др. Нижний Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1995. Книга третья. С. 487–496.
26. Симонов К. 100 суток войны. Смоленск: Русич, 1999. 576 с.
27. Томан Т. 1941–1942: Дни великих бедствий в сознании современников // Трудные вопросы истории. Под ред. В.В. Журавлева. М.: Политиздат, 1991. С. 158–173.

ON THE PERCEPTION OF THE INFORMATION ABOUT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR BY SOVIET YOUTH

F.B. Drozdov

The article analyzes public attitudes among Soviet youth in the early days of the Great Patriotic war, their reaction to the declaration of war, and Stalin's speech on July 3, 1941. It reveals the causes and consequences of an optimistic perception of the outbreak of hostilities.

Keywords: Great Patriotic war, June 22, 1941, public mood.